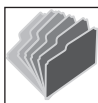

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ЧЕЛОВЕКА ЗНАНИЯ ФЛОРИАНА ЗНАНЕЦКОГО

РОБЕРТ КИНГ МЕРТОН

Флориан Знанецкий по многим причинам является наиболее выдающимся представителем социологии особой специальной, а не энциклопедической социальной науки. На протяжении почти 20 лет на страницах замечательной серии своих книг Флориан Знанецкий последовательно рассказывал о *специальном* вкладе социологии в дело анализа взаимодействия человека и культуры. Теоретическая целостность его книг проистекает не из догматических убеждений, а из освоения новых данных посредством концептуальной рамки, которая с очевидностью доказала свою пользу. Особенно это видно в последнем томе этой серии – лекции «Julius beer Foundation» в Колумбийском университете касались социологии науки до тех пор, пока (до сентября 1939 г.) Польша была домом журналов «Nauka Polska» и «Organon», посвященных исключительно «науке о науке», т.е. психологии, социологии, истории и философии науки.

Сам Знанецкий обозначил две основные проблемы в изучении специалистов в области знания (категории «естествоиспытатель» (scientist), «ученый» (savant) и «человек знания» (man of knowledge) используются в качестве синонимов и призваны закрепить широкое определение людей знания). Первая в ряду этих проблем – таксономична, она сводится к определению того, каковы набор и структура различных типов социальных ролей ученых, каковы взаимосвязи между ними, каковы векторы их дальнейшего профессионального развития. Вторая проблема сводится к определению того, как в принципе на системы знания и методы ученых влияют те нормативные модели, которые определяют поведение ученых в рамках социального порядка, в котором они живут. Сама формулировка этих вопросов очевидно доказывает, что Знанецкий не смешивал проблемы социологии знания с социологической теорией знания, т.е. с особой эпистемологией.

Его работы – это исследование в самостоятельной сфере *Wissenssoziologie*, а не изучение оснований валидного знания.

Знанецкий рассматривает социальную роль как динамичную социальную систему, включающую четыре взаимодействующих компонента: 1) *социальный круг*, круг общения: множество людей, которые взаимодействуют с актором и оценивают его действия (т.е. аудитория влияния); 2) *личность* актора: физические и психологические характеристики, приписываемые ему в силу занимаемого им положения; 3) *социальный статус* актора: права и привилегии, свойственные ему в силу его положения, 4) социальные *функции* актора: его вклад в благополучие своей группы. Эта парадигма определяет тот минимум элементов, которые должны быть изучены при систематическом сравнении социальных ролей.

Предпринятый здесь беглый обзор типологии ролей ученого, предложенной Знанецким, конечно, не сможет отразить аналитические цели, для которых подобная типология разрабатывалась самим автором. Но этот беглый обзор тем не менее обозначит классификационную основу, в рамках которой будет предпринят анализ. В данную схему не включена реконструкция идей Знанецкого, посвященных возможным направлениям превращения одной роли в другую.

Типы социальных ролей ученых

А. Технологические консультанты

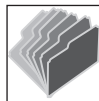
1. *Технологический эксперт*: диагност, который в конкретной ситуации фиксирует релевантные данные, их основные компоненты и взаимосвязи, а также теоретические основы для планомерной реализации коллективных задач. Он выполняет «штатные» или консультационные функции.

2. *Технологический лидер*: исполнительный директор, который разрабатывает план и выбирает средства для его реализации на основании комплекса ориентированного на практический результат гетерогенного знания.

В. Мудрецы¹ обеспечивают интеллектуальное оправдание коллективных устремлений своих партий, сект, страт.

	Апологеты существующих тенденций	Идеалисты, чьи нормы не укладываются в соответствующий порядок, или представители оппозиционной партии
1. Консерваторы	(а) «Реакционер»	(b) Мелиорист
2. Новаторы	(а) Оппозиционер	(b) Революционер

¹ Здесь необходимо обратить внимание на поучительное сравнение этих ролей и мангеймовых концепций идеологов и утопистов. Четырехчастная таблица и обозначенные в ней наблюдателем типы очевидно выводятся из текста Знанецкого (Р. 72–77).

С. Ученые (т.е. Схоласты)

1. *Ученый-сакрализатор* – увековечивает священные истины науки через точное и достоверное воспроизведение их символических выражений. Такого ученого часто обвиняют в поддержании замкнутой стабильной, неоспоримой, священной системы неизменных истин.

2. *Секулярный ученый* – предполагает следующие подтипы:

а) *первооткрыватель истины*: требуя «абсолютную правду», инициирует «научное мышление», обоснованное несомненностью рациональной очевидности;

б) *систематизатор*: тестирует и организует все существующее в конкретных областях знание в связанную систему посредством дедукции, начиная с самоочевидных первых принципов, установленных открывателем истины;

в) *жертвовател*: завершает новые исследования, которые явно или неявно должны обосновать новое доказательство, которое согласуется с главной системой; он пересматривает «неудовлетворительные» индуктивные доказательства до тех пор, пока они не будут приняты или «оправданно» отвергнуты;

г) *борец за правду*: удостоверяет логическую победу одной школы над другой через полемическое убеждение ученых в том, что притязания на истину его научной школы обоснованы рациональной очевидностью. Отличается от тенденциозного пристрастного мудреца тем, что сводит полемику к закрытой сфере, доступной только тем, кто относится к истине как к главной ценности;

е) *сеятель знания*:

(1) *популяризатор*: культивирует любительские интересы среди взрослых, оказывая таким образом широкую поддержку обучению, особенно в демократическом обществе;

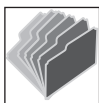
(2) *обучающий учитель*: передает теоретическое знание молодежи как часть их непрофессионального образования.

Д. Создатели знания (Исследователи)

1. *Открыватель фактов (искатель фактов)*: открывает до настоящего времени неизвестные и непредвиденные эмпирические данные, которые в значительной степени являются основанием для изменений в существующих системах знания.

2. *Открыватель проблем (индуктивный теоретик)*: открывает новые непредвиденные теоретические проблемы, которые должны быть разрешены посредством новых теоретических конструкций.

Здесь сразу следует отметить, что это – классификация социальных ролей, а не людей, и некоторые люди знания могут воплощать собой сразу несколько обозначенных аналитически различимых ролей. Дальнейшее развитие аналитической концепции Знанецкого приведет к обозначению обстоятельств, при которых происходит переход ученого от одной роли к другой.

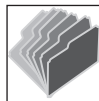

Знанецкий мастерски очерчивает разнообразные отношения между компонентами этих классифицированных ролей, взаимоотношениями между этими ролями-определениями и видами культивируемого их носителями знания: типами знания и предпосылками положительной оценки членов ученого общества; нормативными ролями-определениями и отношением их носителей к практическому и теоретическому знанию и т.д. Эти отношения рассматриваются генетически и функционально. В кратком обзоре невозможно даже перечислить эти отношения, но один или два кейса проиллюстрируют методологические выводы.

Убедительную демонстрацию значимости подхода Знанецкого можно найти в его наводящем на определенные размышления (хотя и кратком) описании различных вариантов отношения к «новым непредвиденным фактам» со стороны тех, кто выполняет различные интеллектуальные роли. Следует отметить, что *эти различающиеся позиции могут быть «поняты» (или «выведены») из тех особых систем социальных ролей, в которых участвуют люди*, иными словами, это анализ способов, посредством которых в различных социальных структурах лоббируется принятие определенных установок в отношении новых эмпирических данных.

Специализированный интерес к поиску новых фактов интерпретируется как бунт против установленных систем мышления, которые сохранились в основном потому, что они не сталкивались со свежими упрямыми фактами. Позднее, конечно, даже эта «мятежная» деятельность институционализируется, но первоначально поиск новых фактов возникает как оппозиция к установленным и обоснованным интеллектуальным системам. Технологический лидер действительно внимательно и с подозрением изучает новые факты, поскольку они могут разрушить веру в разумность обозначенных им планов, разоблачить неэффективность его планов или обнажить нежелательные последствия его программы. Новые факты, появляющиеся в пределах границы его деятельности, угрожают его статусу.

Технологический эксперт, находясь под контролем лидера, ограничен в поиске новых фактов – во избежание обнаружения им нежелательных для руководства фактов (пример такого рода – подавление создания новых, «нежелательных» изобретений). Мудрец со своими предопределенными выводами невозможен как беспристрастный наблюдатель, поскольку новые факты могли бы затруднить тенденциозные взгляды мудреца. К подлинно новым фактам ученые относятся и позитивно, и негативно – в зависимости от того, какое к ним установилось отношение в их научной школе: на начальных стадиях новые факты как минимум приемлемы, но когда система уже полностью сформирована, интеллектуальное обязательство школы исключает благоприятное отношение к новым выводам. Следовательно, «первооткрывателю фактов, свободно блуждающему в поисках неожиданного, все же не место в среде ученых

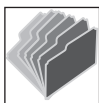
с хорошо регулируемые традиционными ролями». Знанецкий предлагает новаторский анализ своеобразной интеллектуальной неофобии, которую Парето, кстати, рассматривал скорее как данность, а не как проблему.

Схожим образом Знанецкий показывает, как соперничество различных сакральных школ привело к секуляризации. Наиболее общая интерпретация демонстрирует, что конфликт как тип социального взаимодействия приводит к частичной секуляризации сакральных знаний как минимум тремя способами. Во-первых, стандартное обращение к священной власти невозможно в конфликтной ситуации, поскольку соперничающие школы либо принимают различные сакральные традиции, либо интерпретируют ту же традицию, но иным способом. «Рациональный анализ» полагается беспристрастным арбитром. Во-вторых, члены внешней группы (неверящие) должны быть убеждены, что их собственные верования находятся под подозрением и иная вера имеет больше оснований для одобрения. И это опять же влечет рациональный или псевдорациональный аргумент отсутствия какого-то иного общего непререкаемого авторитета. Наконец, борьба сакральных школ пробуждает скептицизм со стороны части интеллектуальных наблюдателей, и такой скептицизм необходимо обуздать, покуда он не подорвал авторитет священных школ среди «общественности». Одна из мер противодействия такому скептицизму – опять же рациональное убеждение.

Объем эмпирических данных, которым этот анализ в наибольшей степени соответствует, хотя Знанецкий явно не пишет об этом, это ситуация борьбы протестантских сект в XVI и XVII вв. Протестантские секты в процессе утверждения своих претензий на священную власть и конкуренции с противостоящими мнениями постепенно приняли последовательную систему умозрительных и эмпирических обоснований своей законности². Силы, способствующие секуляризации священного знания, в этот исторический период легко концептуализируются в категориях Знанецкого. Когда, однако, становится очевидным, что многообразие школ, догм и сфер влияния исключает доминирование единственной школы, *modus vivendi* находится в доктрине взаимной терпимости.

Таким образом, эта маленькая книга представляется концептуальной основой для организации различных идей в рамках единой сферы социологии знания. Эта книга заметно добавляет обоснован-

² Ср.: Baxter R. Cristian Directory. L., 1825, 1:171 в высказывании, написанном в 1665 г.: «Они, которые верят и знают, но не знают почему, или не знают достаточного основания оправдания своей веры, обладают то ли иллюзией, то ли убеждением, то ли мечтой о вере». Или More H. Brief Discourse of the True Grounds of the Certainly of Faith in Point of Religion. L., 1688. P. 578: «Убрать всю определенность смысла, должным образом его детализировав, значит убрать всю несомненность веры из основных моментов нашей религии».

ности гипотезам, которые традиционно выводятся из более ранних работ Знанецкого, и поэтому с самого начала обеспечена механизмом эмпирического подтверждения. Надо, однако, отметить, что, поскольку сам Знанецкий едва ли ни первым признал, что его книга – всего лишь пролегомены к социологии людей знания, такое вступление к теме, каким является его книга, в значительной степени требует ряда критических замечаний. В книге не ведется систематического документирования, хотя, как это можно вывести из текста, основой для большей части работы является значительный объем эмпирических данных. Особенно желательно включение систематических доказательств в обобщенную совокупность методов, посредством которых различные роли выводятся из более ранних структур. В данном случае мнение Знанецкого – всего лишь правдоподобная реконструкция со всеми недостатками, которые предполагают подобные схемы. Ведущая гипотеза Знанецкого заключается в том, что обозначенное им ролевое развитие посредством последовательной дифференциации подлежит эмпирической проверке; до тех пор пока такой проверки не случилось, гипотезу можно считать лишь предполагаемой. Значимость работы также бы заметно усилилась, если бы парадигма формирования роли (учитывающей *социальный круг, личность, социальный статус и функции*) была полностью использована при анализе того, что представляет из себя каждая из ролей. В работе наибольшее внимание уделяется описанию функции каждой из ролей, но явно недостаточно внимания уделено структурным отношениям между другими компонентами. Возможно, концепция Знанецкого настолько плодотворна, что он счел возможным собрать только самые спелые из первых плодов. Последовавшие затем эмпирические исследования, к примеру работа «Человек ученый» Логана Уилсона, несомненно, добавят значимости концептуальным рамкам, которые выстроил Знанецкий. Его классификация, конечно, является предварительной и поддается необходимым изменениям. Резюмируя, можно сказать, что работа Знанецкого – это проект, которым не должен пренебрегать ни один будущий исследователь данной темы; это обещание того, что должно явиться, обещание, которое уже является частью собственного воплощения.

Перевод с английского Р.Э. Бараш